

8 НОЯБРЯ 1908 г.

ц. 10 к

ВЪ Москвѣ и провинціи 12 коп.

САТИРИКОНЪ

1908 еженедѣльное изданіе №31

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На 3 мѣсяца 1 р. 25 к.

Контора и Редакція САТИРИКОНА, Спб. Невскій, № 9. Телефонъ № 241-29.

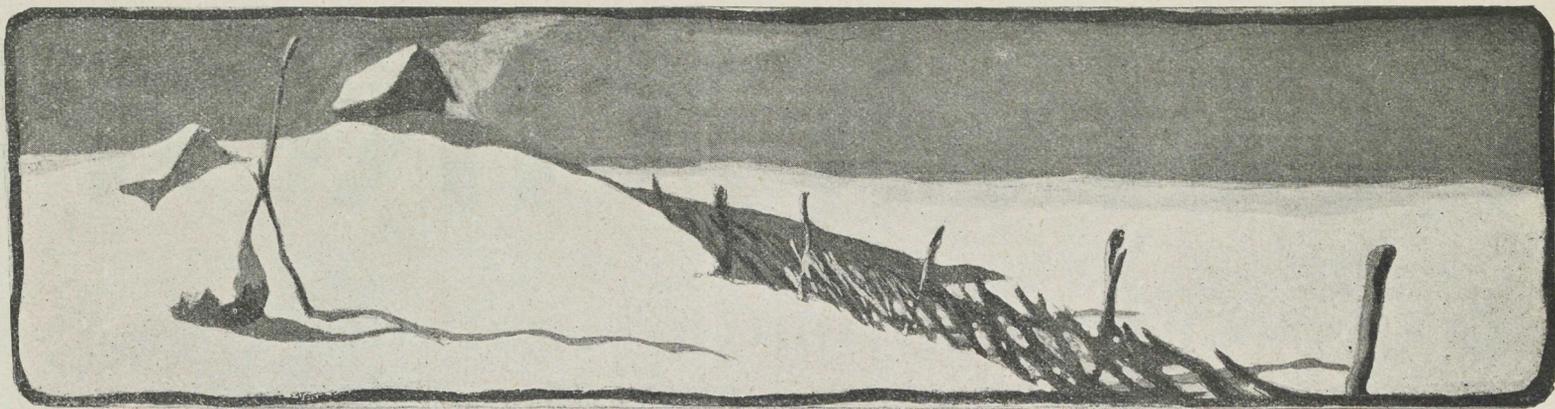
XIII MORITURI (13 ОБРЕЧЕННЫХЪ *).

Рис. А. Юнгера.

— Ave, Гучкови!.. Morituri te salutant!!!

*) Тринадцать адмираловъ—уволены въ отставку. (Изъ газетъ).

ОТЪ ЧАСТНАГО КЪ ОБЩЕМУ.

(Съ персидскаго).

Посадили перса на коль,
Онъ поквально и покрякаль,
И покорно замолчалъ,
Постепенно холодѣя...

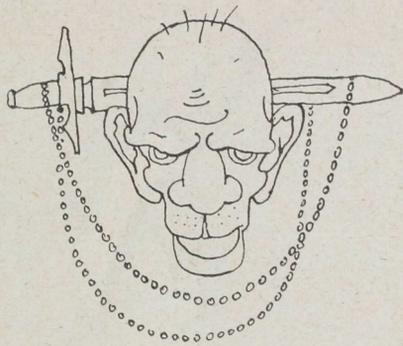
„Геніальная идея!“

Шахъ восторженно вскричалъ
(Видомъ сталъ и бодръ, и весель):

„Если сдѣлать, вмѣсто кресель,
Въ меджилисѣ частоколь,—
О, тогда бѣ успокоенье
Наступило, безъ сомнѣнья,
И упрочился бѣ престоль!“

Мигомъ вѣсти разнеслись
О созывѣ меджилиса,
И народъ отъ счастья плакаль,
Кандидатовъ проча... на коль...

Красный.

Ч А С Ы.

Тикали, тикали часы, потому такое ихъ призваніе было — время указывать.

Кружились стрѣлки, кружились—отъ двѣнадцати до двѣнадцати.

И никакъ другого числа коснуться не могли.

Такъ и дошли до головокруженія.

Сами-то ничего ужъ не понимали: кружатся безъ толку.

А человекъ, который тѣмъ временемъ на часы смотрѣлъ, восклицалъ, воскликнулъ:

— Удивительно вѣрно ходятъ!..

Полярный.

К Р О К И.

— Удивительное существо это—воздухоплаватель!

— А что?

— Онъ попадаетъ пальцемъ въ небо именно тогда, когда не можетъ взлетѣть къ небу!

— Вы еврей?

— Почти.

— То-есть какъ, почти?

— Въ двухъ городахъ не имѣю права проживать.

Боа.

БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Благодаря Пуришкевичу, пьеса
„Саломея“ въ театрѣ Коммиссаржев-
ской снята съ репертуара. Газеты.

(Посвящается Корнью Чуковскому).

Если бы у меня былъ хвостъ, то я, входя въ кабинетъ хозяина, завилялъ бы имъ.

Но у меня хвоста не было, и я, очутившись передъ хозяиномъ, только тихонько повизгивалъ и смотрѣлъ на него глазами, полными собачьей покорности и страха...

— Что?—отрывисто спросилъ онъ, тускло поблескивая голымъ черепомъ, на которомъ зеленый абажуръ игралъ зеленоватымъ пятномъ.

— Ручку!

Онъ сконфузился немного и сказалъ:

— Ну, что вы... Пустяки! Неужели, за этимъ только пришли?

— Ручку!!—сказалъ я громче, виляя отвлеченнымъ хвостомъ, и въ голосъ моимъ послышались истерическія нотки.

Онъ протянулъ свою, покрытую рыжеватымъ пухомъ, руку, и я, какъ къ цѣлебному источнику, надолго припалъ къ ней.

— Неужели, за этимъ только пришли?—благодушно спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Владиміръ Митрофа... Ваше сіятельство!! Каюсь! Подлая просьбишка есть.

— О чемъ?—отрывисто спросилъ онъ.—Встаньте съ колѣнъ—не люблю!

— Пьеску мою цензурный комитетъ не пропускаетъ!! Помоги, отецъ, заступись...

— Да вы, вѣрно, кощунствуете все?

— Ваша свѣтлость! Ей-ей! Ни-ни. Октябриста я тамъ вывелъ нехорошо. Говорятъ: возбужденіе одной части населенія противъ другой.

— Ну, вотъ! Да какая же часть населенія — октябристь. Это чортъ знаетъ что, а не часть населенія.

— Владим... Ваша сіятельная свѣтлость!! Бальзамчикъ! Цѣлительный бальзамчикъ проливаете вы на мою душу этими словами... Благодаритель — можно? Разрѣшите? Да? Да?

Лихорадочно ловилъ я его руку, а онъ, смѣясь, локтемъ отпихивалъ меня и пряталъ руки подъ столъ.

— Да ладно, ладно ужъ! Не просите... Растрогали старика. Что ужъ тамъ... Гдѣ ваша пьеска?

Я выхватилъ изъ кармана рукопись и положилъ передъ нимъ.

Крупнымъ дрожавшимъ почеркомъ онъ вывелъ на углу ея:

— Къ представленію разрѣшаю безусловно! Владиміръ Пуришкевичъ.

Спрятавъ рукопись, я не уходилъ.

— Еще что?

— Влад... Ваше превосходительство!! Бейте меня, плюньте на меня—у меня еще есть просьбишка! Моленіе, можно сказать!

— Еще о чемъ?

— Грѣшникъ я. Любовника жены убилъ въ запальчивости и раздраженіи. Судить меня будутъ. Простите меня! Помилуйте!

Онъ нахмурилъ брови.

— Нѣтъ, это неудобно. Что же это, каждый будетъ убивать, а я его миловать долженъ. Да и не имѣю я права!

— Ваше высокопревосходительство!! Вы все можете! Все! И это и... другое. Ваше... Помилуйте меня! Вѣдь вамъ стоитъ только слово сказать...

Онъ смягчился.

— Бѣда мнѣ съ вами, господа! Положимъ, положеніе мое обязываетъ къ маленькимъ милостямъ... гм... гм... Это вѣрно, что вы его, какъ любовника, убили?

— Какже, ваше пр—во! Видѣлъ его, въ качествѣ любовника, вотъ, какъ васъ сейчасъ вижу! Изъ пистолета я его.

— Такъ онъ... того? Хе-хе!..

Глаза его замаслились.

— А какъ они были въ то время... гм... въ какомъ...

Сейчасъ же спохватившись, онъ строго сказалъ:

— Прелюбодѣяніе... Противъ десятой заповѣди!.. Убили, охраняя очагъ! Это ничего; это можно. Ладно ужъ! Ступайте. Скажите тамъ, чтобы васъ не судили.

Такъ какъ руки его были въ карманахъ, то я припалъ къ ногамъ.

И я цѣловалъ его башмаки, съ толстыми подошвами и тупыми носками, прижимался къ нимъ благодарными губами, и кислотоватый вкусъ ваксы горѣлъ во рту моемъ, и губы мои были черны...

А онъ, полусмѣясь, полусердито, отбивался отъ меня ногой, попадая ею въ носъ, въ подбородокъ.

— Ну, довольно, довольно! Кишъ! Развѣ можно такъ? Всю ваксу слизалъ! Опять чистить ихъ надо...

Я не уходилъ.

— Ваше преподобіе!—сказалъ я, морща свое черное лицо.

Онъ, со скучающимъ видомъ, зѣвнулъ и потянулся.

— Что еще? По духовному вѣдомству, вѣрно?

— Вы угадали, ваше преосвященство! Разрѣшите въ плечико чмокнуть.

— Пошелъ, пошелъ! Ты грязный,—закричалъ онъ брезгливо.—Говори такъ!

— Развестись съ женой мнѣ нужно! Разведите, отецъ Владиміръ!

— Что вы ко мнѣ пристааете!—завизжалъ онъ.—Надоѣли. Что я могу! На это консисторія есть.

— Ваше преподобіе! Г. архимандритъ! Вы все можете. И за консисторію, и за театр... и за все! Въ консисторіи три года разводиться будутъ. А вы... одно слово...

— А! Надоѣли вы мнѣ! Того оправдай, того вышли, того разведи. Ну, чортъ съ вами! Скажите тамъ, чтобы васъ развели немедленно. Что Пуришкевичъ, моль, Владиміръ сказалъ!..

И опять я, упавъ, крѣпко впился губами въ его скрипучіе ботинки, а онъ, съ поднятыми кулаками, вырывая ногу, бѣсновался тамъ, гдѣ-то наверху:

— Ага! Пришли! Всѣ придутъ ко мнѣ! Въ ногахъ еще будутъ ползать! Обождите! Слѣдъ моихъ башмаковъ цѣловать вамъ придется! Преподобіе! Сіятельство! Превосходительство! Раньше Володькой звали, по шакамъ архитекторы били, клоуномъ, обезьяной дразнили, изъ Думы выбрасывали. А-а! Покажетъ вамъ Володька и Думу, и театр, и все!..

И, какъ пьяный, въ экстазѣ онъ упалъ на колѣни и воздѣлъ молитвенно кверху рыжія волосатыя руки, которыя я цѣловалъ, и долго онъ стоялъ такъ, шепча что-то...

Аркадій Аверченко.

ДІАЛОГЪ.

Бюловъ.

— Что, мой милѣйшій Эренталь? Не выгорѣла штука?

Отъ всей души тебя мнѣ жаль—
Хотя впередъ наука.

Закинулъ удочку, да самъ

И клюнулъ на нее же!

Текло такъ славно по усамъ,

А въ ротъ-то, въ ротъ-то что же?

Эренталь.

— Ужъ чьей коровѣ бы мычать,
Твоя же пусть молчала бѣ:

Намъ по одной стезѣ шагать,

Обоимъ—шапку на лобъ.

Не тратя, словомъ, лишннихъ словъ,

Почтеннѣйшій мой Бюловъ,

Для ривмы я сказать готовъ,

Что сѣлъ ты межъ двухъ стуловъ!

Аполлонъ Риемачевъ.

МОДЕРНИЗМЪ.

— Скажите, пожалуйста, г. NN женатъ?

— Гм... скорѣе, замужемъ.

о. д.

НА УЛИЦѢ.

— Извозчикъ, направо.

Свернули.

— Направо...

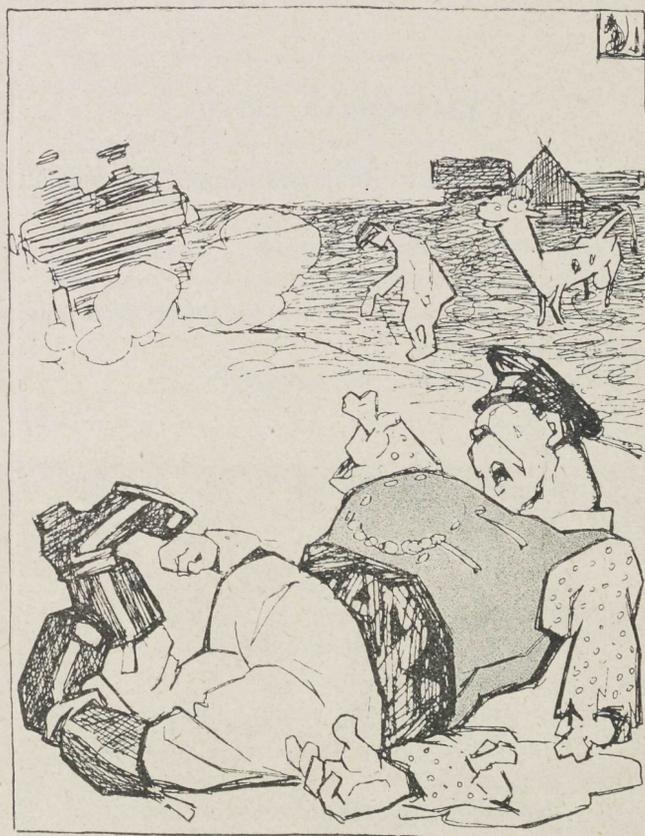
Свернули.

— Извозчикъ, снова направо.

— Эхъ, баринъ, вѣдь этакъ мы завсимъ до Думы доѣдемъ.

о. д.

Рис. А. Радакова.

ТЩАТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

Раздавленный (кричитъ въ слѣдъ автомобилю). — Чортъ васъ возьми! Безъ рукъ, вы совершенно лишили меня возможности просить въ будущемъ милостыню!!!

Шахъ. — Конституцію нужно подписывать оружіемъ конституціи!...

МУЖЕСТВЕННАЯ ПАТУРА.

Противъ болтливаго Вильгельма возстала вся Германія.

Не ругаль его только лѣнливый...

Наконецъ, Вильгельмъ обидѣлся.

Собраль представителей отъ парламентскихъ партій и строго спросилъ ихъ:

— На кого я похожь, по вашему?

— На яйцо!

— Колумбово?

— Нѣтъ... Есть такое яйцо: болтунъ, называется.

Вильгельмъ обидѣлся еще больше.

— Хорошо, — подумаль онъ. — Устрою же я вамъ штуку.

И заявилъ вслухъ:

— Ладно же! Тогда я отрекаюсь отъ престола!!

Никто не упаль въ обморокъ.

Всѣ стояли молча. Кто-то равнодушно зѣвнуль.

— Понимаете?! От-ре-ка-юсь отъ пре-стола!

Молча, ухмыльнулись.

— Чего же вы не уговариваете меня остаться?!

Максимиліанъ Гарденъ сзади хихикнуль.

— Вѣдь вотъ уйду я, что вы будете безъ меня дѣлать?

Молчали. Больше изъ вѣжливости.

— Ну же! Просите меня остаться...

— Если желаете, отрекайтесь.

— Да, вѣдь... Какъ же вы безъ Гогенцоллерновъ будете?

— Ну, чего тамъ. Такъ и будемъ.

— Вѣдь я не вернусь больше, если откажусь!

— И не надо.

Вильгельмъ покачался, покрутилъ головой, звякнуль шпорами и, повернувшись спиной къ представителямъ, засвисталь.

Потомъ обернулся и гордо сказалъ:

— Гогенцоллерны не отрекаются!!

Боа.

НА СУДЪ.

— Вы, утверждаете, свидѣтель, что они жили, какъ мужъ и жена?

— О, нѣтъ! Гораздо лучше.

О. д.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ.

— Позвольте узнать, каково ваше впечатлѣніе о спектаклѣ?

— Извините, я, рецензентъ.

О. д.

ИНДИЙСКАЯ БЫЛЬ.

(Эскизъ).

Это было въ Калькуттѣ во время послѣдней трехлѣтней чумы. Кто побогаче — уѣхалъ за границу, кто побѣднѣе — повѣсилъ, остальные сидѣли дома и дрожали. Когда темнѣло, не зажигая огня и не раздвѣваясь, ложились спать. Впрочемъ, часто спали и днемъ.

Изъ газетъ еще выходило „Псовое Время“ и „Голосъ изъ бочки“ и то попеременно: одинъ день „Голосъ изъ бочки“, другой — „Псовое Время“, потому что читать было некому.

Изъ журналовъ по инерціи выходилъ одинъ „Журналъ Мин. Нар. Просв.“.

Пустые, ярко-освѣщенные трамваи съ лязгомъ и грохотомъ проносились по пустымъ улицамъ. Театры и пагоды обратились въ сумасшедшіе дома... сумасшедшихъ было такъ много, что дѣвать больше ихъ было некуда. Стонъ висѣлъ надъ Калькуттой.

Завладѣвшія университетомъ во время эпидеміи священныя обезьяны играли въ чехарду и рвали книги.

По темнымъ, душнымъ улицамъ носился вѣтеръ и голый, лысый человѣкъ въ пенснэ, съ лѣстницей под мышкой. Это былъ единственный сумасшедшій, котораго оставили на свободѣ.

Перебѣгая отъ воротъ къ воротамъ, будилъ онъ спящихъ сторожей, и если въ домѣ жилъ какой-нибудь забытый еврей или европеецъ, или просто грамотный человѣкъ — лысый ставилъ мѣломъ на дверяхъ крестъ, визжалъ отъ радости и тутъ же производилъ сторожа въ генералиссимусы.

Потомъ неся дальше, подставляя лѣстницу съ улицы къ окнамъ, слушалъ, нюхалъ воздухъ и если слышалъ за стѣной подавленный вздохъ или стонъ, или шепотъ, или, если даже ничего не слышалъ, — дѣлалъ зубами на лѣстницѣ знакъ, одному ему понятный, и опять бѣжалъ дальше.

На перекресткѣ сумасшедшій остановился и вздрогнулъ: прямо противъ него въ подвальномъ окнѣ замерцало желтое пятно свѣчи.

Лысый пригнулся къ землѣ и на животѣ, какъ змѣя, поползъ черезъ грязную улицу къ окну, страшный и голый, вздрагивающій, какъ голодная кошка.

У окна онъ присѣлъ на корточки, заглянулъ и отъ радостнаго изумленія уронилъ лѣстницу.

Дряхлый старикъ въ рваномъ коричневомъ одѣялѣ сидѣлъ на подоконникѣ и читалъ... „Псалмы Давида“. Лысый, не дыша, записалъ номеръ дома, приставилъ къ окну двухъ бѣжавшихъ мимо собакъ и, разстроенный и задумчивый, пошелъ домой...

Черезъ полчаса онъ сидѣлъ на чердакѣ, жалкій и потный отъ напряженія, и что-то писалъ. Передъ нимъ на сундукѣ стоялъ старый уличный фонарь, жестяная плевательница съ чернилами и лежалъ большой листъ сѣрой бумаги.

На листѣ было написано: „а еще имѣю честь донести, что книга сія іудейскаго происхожденія, именуемая „Псалмы Давида“, по изытію изъ продажи, подлежитъ искорененію, автора же, какъ завѣдомаго еврея, допросить съ пристрастіемъ и выслать въ 24 часа... Читателя же, старика въ коричневомъ одѣялѣ изъ дома № 63...“

Дальше нельзя было ничего разобрать: была нарисована собачья свадьба, чортъ, показывающій языкъ, осель въ триумфальной колестницѣ, а дальше каракули и нѣчто уже совсѣмъ неприличное...

Съ улицы доносился зловѣщій грохотъ чумнаго обоза, который везъ за городъ свѣжій грузъ, луна заглядывала въ слуховое окно и брезгливо морщилась, а сумасшедшій все писалъ, писалъ, писалъ...

Саша Черный.

ИЗРЪЧЕНІЯ ДРЕВНИХЪ ВЪ МОДЕРНИЗИРОВАННОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Sit tibi terra levis! = Да будетъ тебѣ аграрный вопросъ пухомъ!
Да будетъ тебѣ земля пухомъ.

Times Danaos et dona ferentes! = Не довѣряю правымъ, даже голосующимъ съ лѣвыми.

Боюсь Данайцевъ, даже дары приносящихъ.

Si spiritum ducit — vivit. = Если субсидируется — издается.

Если дышетъ — живетъ.

Nisi Alexander essem, ego, vero, vellem esse Diogenes. = Если бы я не былъ Александромъ Ивановичемъ Гучковымъ, то, несомнѣнно, желалъ бы быть Александромъ Ивановичемъ Дубровинымъ.

Если бы я не былъ Александромъ, то, несомнѣнно, желалъ бы быть Диогеномъ.

O, sancta simplicitas! = О, дубина стоеросовая!

О, святая простота!

Errare humanum est. = Освѣдомительному Бюро свойственно опровергать.

Человѣку свойственно ошибаться.

Non multa, sed multum. = 3-го июня.

Не много, но многое.

Abusus non tollit usum. = Броненосцы должны строить люди, набившіе руки въ этомъ дѣлѣ.

Злоупотребленіе не препятствуетъ употребленію.

Heredis fletus sub persona risus est. = Не скули, октябристъ, о попраніи свободъ.

Плачь наследника — замаскированный смѣхъ.

Non domo dominus, sed domino domus. = Не по Думѣ депутаты а по депутатамъ Дума.

Не по дому хозяинъ, а по хозяину домъ уважается.

Malum necessarium. = Пуришкевичи въ Думѣ.

Неизбѣжное зло.

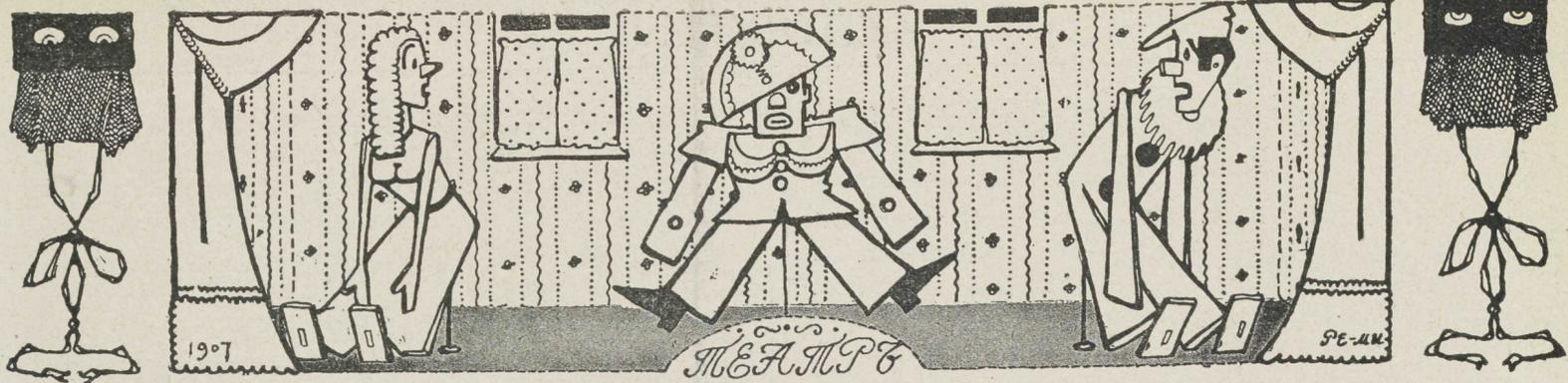
И. Гуревичъ.

БРАТЪ ЖУРНАЛИСТЪ.

Рис. А. Радакова.

На Шипкѣ все спокойно...

ЦИРКЪ ЧИНИЗЕЛЛИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ земной шаръ съ утомительнымъ однообразіемъ вращается вокругъ своей оси, написанъ, по крайней мѣрѣ, миллионъ рассказовъ на разныхъ языкахъ изъ цирковой жизни.

Всѣ рассказы трехъ категорій.

Въ первую голову идутъ клоуны, у которыхъ только-что умеръ любимый ребенокъ; это не избавляетъ ихъ отъ грустной необходимости смѣшнить въ тотъ же вечеръ публику разными забавными шутками и гримасами. Не выдерживая роли, клоунъ, въ концѣ-концовъ, разражается горькими рыданиями и заражаетъ этимъ всѣхъ: публику, безсердечнаго директора цирка, конюховъ, берейторовъ и даже цирковую лошадь, которая, забившись куда-нибудь въ уголокъ конюшни, тихо рыдъ етъ, ломая ноги, тронутая печальнымъ концомъ клоунова ребенка.

Лично я никогда не встрѣчалъ автора цирковыхъ рассказовъ. У меня давно созрѣло непоколебимое рѣшеніе, столкнувшись на широкой житейской дорогѣ съ авторомъ подобнаго рассказа, разбить его тупую голову какимъ-либо тяжелымъ предметомъ.

За клоунами, потерявшими ребенка, плетутся маленькія дѣти-гимнасты, которыхъ жестокой импресарио заставляетъ, несмотря на хрупкость организма, продѣлывать страшно головокружныя штуки подъ самымъ потолкомъ цирка.

Дѣти эти должны быть украдены въ свое время у любящихъ родителей (импресарио почему-то сами всегда бесплодны) и авторъ приводитъ этихъ родителей какъ разъ въ тотъ городъ и въ тотъ циркъ, гдѣ подъ потолкомъ висятъ ихъ ребята.

Глупые родители, узнавъ ребенка, поднимаютъ визгъ, а ребенокъ, услышавъ знакомый голосъ, не дожидается, пока ему можно спуститься по веревкѣ легальнымъ путемъ, а сваливается, какъ спѣлая груша, прямо на землю.

И родители рыдаютъ надъ его безформеннымъ трупомъ, и клоунъ плачетъ размазывая на лицѣ бѣлила, и дрессированныя собаки воютъ, и авторъ, по халатности людской, за все это получаетъ, вмѣсто побоевъ, гонораръ.

Въ третьей категоріи цирковыхъ рассказовъ фигурируетъ укротитель львовъ, который влюбляется въ графиню, но, чувствуя разницу общественнаго положенія, рѣшаетъ махнуть на нее рукой и сейчасъ же разрывается львами.

Иногда, вмѣсто укротителя, бываетъ укротительница, вмѣсто графини — венгерскій графъ и, вмѣсто львовъ—тигры или змѣи.

Но это все равно. Рассказъ отъ этого не умнѣетъ.

А въ жизни все это не такъ. Въ тотъ вечеръ, когда мы были въ циркѣ, я видѣлъ четырехъ клоуновъ, и не одинъ изъ нихъ не разрыдался, а всѣ они веселились до упаду, и не потому, что были бездѣтны, а просто, нѣтъ въ жизни такого правила, чтобы всякій ребенокъ клоуна еще въ дѣтствѣ долженъ былъ протянуть ноги.

Шаржи Ре-Ми.

Г. Брассо или Фрицъ.

Въ дни моей молодости я помню клоуновъ, которые всегда выходили соло и ихъ даже называли за это:

— Соло-клоунъ.

Теперь новое вѣяніе. Клоуны выходятъ парами, не разставаясь другъ съ другомъ и въ жизни. Но размножаются они обычнымъ способомъ.

Для зрителя-ребенка, клоунъ—сушій кладъ. Дома его пичкаютъ благонаравіемъ и съѣтами держать себя возможно тише, а здѣсь онъ видитъ и слышитъ самый безшабашный шумъ, визгъ, самые дикіе головоломныя прыжки, паденія и пощечины... И ничего. Не только не ставятъ за такое поведеніе въ уголь а наоборотъ, аплодируютъ и платятъ деньги.

Я увѣренъ, что секретъ восторга дѣтей при лицезрѣніи клоуновъ именно въ этомъ.

Возрастъ цирковыхъ артистовъ самый разнообразный.

Отъ дряхлаго старичка, который только и способенъ, что вывести на свободу сѣтую меланхолическую лошадь, до младенца, все искусство котораго заключается въ томъ, чтобы, пыхтя, перекувырнуться черезъ собственную голову. За эти несложныя поступки первый получаетъ право на стаканъ вина и рубленую котлетку, а второй—на материнскую грудь, которую онъ, послѣ представленія, сосетъ до упаду.

Промежуточные возрасты дѣлаютъ въ циркѣ все, что подвернется подъ руку.

Скачутъ на неосѣдланныхъ лошадяхъ, кувыркаются на турникахъ, жонглируютъ, летаютъ подъ куполомъ цирка и, вообще, стараются прожить свою цирковую жизнь шумно и весело.

Иногда подвертываются тяжелыя обязанности.

Напримѣръ, глава семейства Кіези.

Этотъ мужественный паренъ обязанъ выносить на своихъ плечахъ, въ буквальномъ смыслѣ, все семейство Кіези, кромѣ себя самого...

И при этомъ у него должно быть, по контракту съ Чинизелли веселое, довольное лицо!

Въ концѣ представленія какіе-то люди построили на аренѣ клѣтку напустили туда львовъ, договъ и затѣмъ втокнули туда же укротителя Конта Серрано.

— Раздѣлывайся, моль, какъ знаешь.

И публика была очень довольна, что Контъ отдѣлался въ этотъ вечеръ очень дешево.

Это было тѣмъ большимъ счастьемъ, что въ предыдущій вечеръ левъ попробовалъ полковничьяго мяса *), и послѣ полковничины его могло потянуть на укротителю.

Но, очевидно, или полковникъ былъ невкусенъ, или сердце укротителя не было задѣто какой-нибудь графиней изъ высшаго общества, однимъ словомъ, укротитель остался живъ и невредимъ, дразня звѣрскіе инстинкты публики до сихъ поръ...

Г. Фрицъ или Брассо.

Г. Кіези (на его плечахъ держится все семейство Кіези).

Пыхтя, онъ старается перекувырнуться черезъ собственную голову.

Г. Кодловъ.

И родители рыдаютъ надъ его безформеннымъ трупомъ, и клоунъ плачетъ размазывая на лицѣ бѣлила, и дрессированныя собаки воютъ, и авторъ, по халатности людской, за все это получаетъ, вмѣсто побоевъ, гонораръ.

Въ третьей категоріи цирковыхъ рассказовъ фигурируетъ укротитель львовъ, который влюбляется въ графиню, но, чувствуя разницу общественнаго положенія, рѣшаетъ махнуть на нее рукой и сейчасъ же разрывается львами.

Иногда, вмѣсто укротителя, бываетъ укротительница, вмѣсто графини — венгерскій графъ и, вмѣсто львовъ—тигры или змѣи.

Но это все равно. Рассказъ отъ этого не умнѣетъ.

А въ жизни все это не такъ. Въ тотъ вечеръ, когда мы были въ циркѣ, я видѣлъ четырехъ клоуновъ, и не одинъ изъ нихъ не разрыдался, а всѣ они веселились до упаду, и не потому, что были бездѣтны, а просто, нѣтъ въ жизни такого правила, чтобы всякій ребенокъ клоуна еще въ дѣтствѣ долженъ былъ протянуть ноги.

Г. Дэль.

Г. Сципioni Чинизелли.

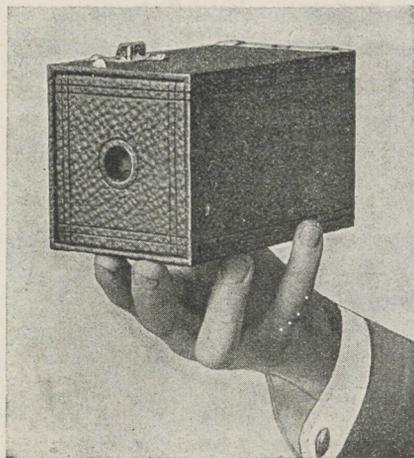
*) На дняхъ какой-то военный, подойдя въ циркѣ къ клѣткѣ льва, сталъ дразнить его шашкой. Левъ просунулъ лапу сквозь прутья и ободралъ любителя дикихъ звѣрей лицо и грудь.

(Изъ газеты).

ЕСЛИ ВЫ НЕМНОГО ИНТЕРЕСУЕТЕСЬ ФОТОГРАФИЕЙ, НО, ПОСЛѢ ПЕРВЫХЪ ОПЫТОВЪ, ЕЩЕ НЕ СОВСѢМЪ УВѢРЕНЫ, БУДЕТЪ ЛИ ОНА ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДЛЯ ВАСЪ ПОСТОЯННЫЙ ИНТЕРЕСЪ, ВАМЪ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ОЧЕНЬ ДЕШЕВЫЙ СПОСОБЪ ПРОИЗВЕСТИ РѢШАЮЩИЙ ОПЫТЪ.

Вотъ—БРАУНИ КОДАКЪ, СТОЯЩИЙ ТОЛЬКО Р.БЛ. 2.50 И ДАЮЩИЙ ПРЕВОСХОДНЫЕ СНИМКИ 6×6 САНТ. ЦѢНА ЭТА ОЧЕНЬ НИЗКА ДЛЯ ТАКОЙ ПРЕКРАСНОЙ КАМЕРЫ, И ДЕШЕВИЗНА ЕЯ ОБЪЯСНЯЕТСЯ ТѢМЪ, ЧТО КАМЕРА ЭТА ИЗГОТОВЛЕНА ФАБРИКОЙ КОДАКЪ, КОТОРАЯ СЧИТАЕТСЯ САМОЙ ОБШИРНОЙ И ОБЛАДАЮЩЕЙ НАИЛУЧШИМЪ ОБОРУДОВАНИЕМЪ ВЪ СВѢТѢ.

№ 1. Брауни. Цѣна Р. 2.50

Брауни Кодакъ, начиная съ Р. 2.50 до Р. 26.— можно имѣть слѣдующихъ размѣровъ:

№ 1 Брауни для снимковъ 6 × 6 сант.	Р. 2.50
№ 2 " " " 6 ¹ / ₂ × 9 "	5.—
№ 2А " " " 6 ¹ / ₂ × 11 "	7.—
№ 2 Складн. Брауни для сн. 6 ¹ / ₂ × 9 "	12.—
№ 3 " " " 8 × 10 ¹ / ₂ "	20.—
№ 2 Стерео-Брауни для стереоскопическихъ снимковъ 8 × 14 сант.	26.—

ЗАЙДИТЕ И ПОСМОТРИТЕ НАШИ КАМЕРЫ ИЛИ ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ, КОТОРЫЙ ВЫСЫЛАЕТСЯ ВСѢМЪ БЕЗПЛАТНО.

БРАУНИ КОДАКИ МОГУТЪ БЫТЬ ПРИОБРѢТЕНЫ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ МАГАЗИНАХЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

или у

АКЦИОНЕРН. **КОДАКЪ** КОМП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Б. Конюшенная, № 19.

МОСКВА.
Петровка, №№ 15 и 16.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА.

(Къ 150-лѣтію Академіи Художествъ).
Сказка.

Рис. А. Радакова.

Привезли въ страну дикихъ гипербореевъ ихъ опекатели изъ теплыхъ странъ «Искусство». Выстроили для него высокій пьедесталъ, назвали Академіей Художествъ, поставили на него «Искусство» и стали съ нетерпѣніемъ ждатъ, когда гиперборейцы въ грековъ превратятся.

Ждали, ждали, а «Искусство» отъ холода и скуки уснуло и, навѣрно бы, съ крыши свалилось и въ грязь попало, еслибы не К. Орлюковъ. Поддержалъ онъ его, огрѣлъ въ греческую тогу, поцѣлуй пламенный запечатлѣлъ и ужъ хотѣлъ извѣженности нравовъ предатъся, да климатъ суровый помѣшалъ...

Годы шли, и «Искусство» ужъ холодѣть стало,—того гляди, помретъ. Востосковались живописныхъ дѣлъ мастера. Помретъ «Искусство», одичаютъ гиперборей! Ой, упадетъ съ крыши «Искусство»! Но не упало оно, поддержалъ его И. Рѣпинъ. Потеплѣе огрѣлъ, русскимъ духомъ надушилъ. Поцѣловалъ. Ужъ многіе дерзостно думали проснувшимся «Искусствомъ» Европы удивлять. Ужъ «труба Грихонская» славу пѣтъ начала, а какъ посмотрѣли получше, увидали, что спитъ себѣ «Искусство», не шелохнется.

Потомъ приходили многіе, живописныхъ дѣлъ подмастерья. Всѣ по своему надѣ «Искусствомъ» мудрили. Думали, гадали, какъ бы сдѣлать, чтобы «Искусство» въ грязь не упало,—ужъ очень пьедесталъ-то хорошъ. И додумались, а додумавшись, возгордились: «мы-де русское искусство на ноги поставили». И все-то у нашего «Искусства» есть—и шлемъ греческій, и лапотки, и чулочки, хе-хе-хе! Таково-то хорошо,—что твоя солянка сборная! Облагораживайтесь гиперборей! А гиперборей и до сихъ поръ не облагородились...

НЕВѢСТА, СУГУБО НАИВНАЯ.

— О, любезная тетенка! Зрю жениха своего, обнимающаго въ саду нашу горничную дѣвку—и сердце мое радостью преисполняется!

— Что же тутъ радостнаго, Лизбетъ?!

— О, тетенка! Если съ простой горничной дѣвкой онъ такое ласкательное обращеніе имѣетъ, то какъ же любитъ меня, жену свою, будетъ!!

О П Т И М И С Т Ъ.

— Вы слышали, какъ кадеты недавно съ избраніемъ предсѣдателя въ лужу съѣли?

— Ничего. Выростутъ кадеты, русскими мореплавателями будутъ!

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИВЫЧКА.

Телефонистку спросили: какой годъ теперь?

Она отвѣтила:

— Девятнадцать—ноль восемь.

о. д.

ВЪ АЛЬБОМЪ РОСЛАВЛЕВУ.

Поэтъ гробовъ, червей, могилъ,
Въ порывѣ яростномъ къ витійству,
Гробовщика... похоронилъ
И смерть привелъ... къ самоубійству!

Донъ-Лопецъ.

ВЪ БРАЧНУЮ НОЧЬ.

Невѣста. — Вы какъ привыкли спать: справа или слѣва?

о. д.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОРЪ.

Рис. Journal amusant.

Онъ. — Я, милая, въ отцы вамъ гожусь!
 Она. — Что вы! Ничего подобнаго.
 Онъ (польщенный). — Неужели, вы находите меня такимъ бодрымъ!?
 Она. — Вы въ отцы мнѣ не годитесь... Вы мнѣ въ дѣдушки годитесь.

ДОБРЫЕ МЛАДОТУРКИ.

— Вы слышали, младотурки уменьшили штатъ султанскихъ докторовъ съ сорока до четырехъ душъ?
 — Очень просто. Заботясь объ Абдуль-Гамидѣ, они просто хотятъ, чтобы онъ прожилъ дольше!

Рис. L'assiette ou beurre.

Нѣмцы не боятся только Бога, да... польскихъ дѣтей.

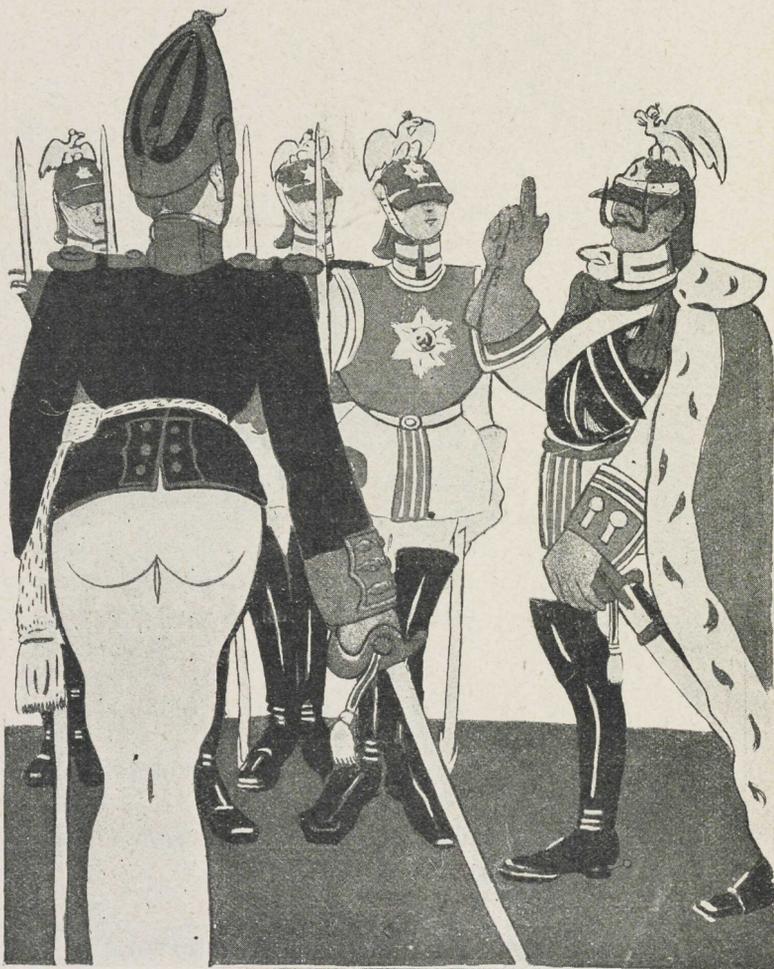
Рис. Journal amusant.

БЛЕСТЯЩІЙ УСПѢХЪ.

— Меня сегодня забросали цвѣтами!...
 — Это что—цвѣтами... Меня прошлый разъ, когда я игралъ, плодами забросали: огурцами, гнилыми яблоками и картофелемъ.

Рис. L'assiette ou beurre.

РѢЧЬ ВИЛЬГЕЛЬМА (ПОЛЬСКИМЪ СОЛДАТАМЪ).

— Нѣмцы отняли у поляковъ все только для того, чтобы они были хорошими солдатами. Не имѣя ничего за душой, вамъ будетъ легче разстаться для насъ со своей жизнью!

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕССЪ.

Передь мировымъ судьей стояли двое: мѣщанинъ Беркутовъ и сынъ почетнаго гражданина города Москвы Тюфячкинъ.

Беркутовъ, объясняясь съ судьей, хрипѣлъ, тыкалъ безъ толку во всѣ стороны плохо прикрѣпленными руками и косился краснымъ глазомъ сердито на Тюфячкина.

У Тюфячкина было скорбное лицо, видъ пыльный, голосъ подобострастный, и онъ, въ разговорѣ, все время подергивалъ шеей такъ, будто бы у него на головѣ лежалъ терновый вѣнецъ, мѣшавшій ему быть спокойнымъ и счастливымъ.

Судья спрашивалъ:

— Признаете ли вы себя, Никита Беркутовъ, виновнымъ въ томъ, что, находясь съ обвинителемъ Тюфячкинымъ въ публичномъ людномъ мѣстѣ, нанесли ему оскорбленіе дѣйствіемъ?

Беркутовъ обиженно возражалъ:

— Я же и виноватъ! Скажите, пожалуйста... Никакимъ дѣйствіемъ я его не оскорблялъ.

— Что онъ сдѣлалъ вамъ, обвинитель? Расскажите.

Тюфячкинъ долго сморкался въ грязный платокъ и потомъ сказалъ, смотря сконфуженно въ сторону:

— Персидскимъ порошкомъ они меня осыпали. Выхватили картузикъ... Голову и плечи. Обиженъ я ими.

Беркутовъ торжествующе завертѣлъ руками и взвизгнулъ:

— Нѣтъ, ты расскажи господину судѣ, кто ты такой естъ! А то,—осыпалъ, осыпалъ, а за что—господинъ мировой судья находится въ неизвѣстности положенія!

Тюфячкинъ пригладилъ волосы, будто поправляя воображаемый терновый вѣнецъ, и признался:

— Ну, и чтожъ... и скажу! Октябристь я, господинъ мировой судья!

Въ камерѣ сдѣлалось тихо-тихо.

Мировой судья удивленно пожалъ плечами:

— Ну, такъ что же?

Беркутовъ радостно потиралъ руки.

— Ага! Видите, сознался. А вы все — обвиняемый, да обвиняемый! Такъ всякаго человѣка обвинить можно! Хе-хе! Ловко это я его запорошилъ, быдто клопа, персидскимъ порошкомъ.

Ничего не понимая, судья спросилъ Беркутова:

— Значить, вы сознаетесь, что осыпали пострадавшаго Тюфячкина персидскимъ порошкомъ?

— Да, я только для виду, ваше благородіе. Тоже вѣдь и мы читаемъ газеты. Конечно, понимаешь, что порошкомъ его не возьмешь, не выведешь его клопнымъ моромъ, а все-таки остраску нужно дать! Это мы тоже понимаемъ.

— Позвольте... Онъ васъ чѣмъ-нибудь оскорбилъ, Тюфячкинъ-то?

— Зачѣмъ оскорблять. Да оскорби онъ меня, я бы ему ноги выдергалъ. А только говорю же я вамъ, что октябристь онъ.

— Такъ что жъ такое, что октябристь!

Беркутовъ разинулъ ротъ, выронилъ шапку и съ неподдѣльнымъ удивленіемъ взглянулъ на судью.

— То естъ, ка-а-акъ?! Все равно это, по вашему? По вашему, я можетъ, и права не имѣлъ порошкомъ его осыпать?

— Конечно, не имѣли.

— Такъ вѣдь онъ же — октябристь! Нешто за его можно взыскивать? Да взгляните на этого фрукта, ваше благородіе, нешто такой имѣетъ право обижаться? Хорошъ?

Беркутовъ брезгливо взялъ Тюфячкина за подбородокъ и поднялъ его, скорбно опущенную, голову.

— Вотъ, полюбуйтеся. Физиономія личности!

— Не трогайте его руками! А за оскорбленіе въ публичномъ мѣстѣ вы отвѣтите по закону.

Беркутовъ нахмурился и поплѣднѣлъ.

— Ваше благородіе! За что же? Вѣдь онъ — октябристь. Нешто нелзя его?..

Въ глазахъ судьи забѣгали искорки смѣха:

— Да откуда вы взяли, что октябристамъ можно дѣлать чортъ знаетъ что—и они должны переносить это?

Беркутовъ, кряхтя, полѣзъ въ карманъ и вынулъ засаленный номеръ „Сатирикона“.

— Вотъ,—сказалъ онъ, муся его пальцами. — Статья тутъ естъ, Аверченки, господина. Будто, генералъ октябристу на сюртучекъ плюнулъ, а тотъ потомъ за это въ расположеніи радости пребывалъ... Будто, честь какая. Изволили читать?

Судья взялъ номеръ журнала и развернулъ его.

— Да поймите же вы, что это, шутка! Авторъ хотѣлъ показать трусость, ограниченность и низкопоклонство октябристовъ.—Это политическій шаржъ. Шутка, понимаете?!

Беркутовъ обиженно скривилъ губы.

— Это мы очень даже хорошо понимаемъ. У меня тоже шутка. Только, значить, выходитъ, что ежели генералу возможно плюнуть, то бѣдный человѣкъ не въ возможности получить удовольствіе попоршить его. Конечно, мы не въ чинахъ...

Судья нетерпѣливо перебилъ его:

— При чемъ здѣсь чины? Вы говорите вздоръ! Октябристь—такой же гражданинъ, какъ и мы съ вами!

Беркутовъ перепуталъ свои пальцы, повернулся къ Тюфячкину и съ непередаваемымъ презрѣніемъ сталъ въ него вглядываться.

— Это онъ-то гражданинъ? Не бываютъ такіе граждане! Вошь какая-то... Въ самый разъ порошкомъ его осыпать. Ваше благородіе! Вѣдь, вонъ, кадета я не обсыплю, потому что ущемленъ онъ. Богъ съ ними, съ кадетами. Имъ и такъ не сладко... Эсдеки съ эсерами по куткамъ сидятъ. Его и за деньги теперъ не достанешь! Союзникъ не въ счетъ. У его, ваше благородіе, въ головѣ, вмѣсто мозговыхъ покрововъ, водка бултыхается и проступки безъ понятія. А октябристь—это вещь зловредный. За его на томъ свѣтѣ семь грѣховъ снимется.

Судья разсердился.

— А вотъ узнаете вы, какъ глупости всякія болтать! Довольно я васъ слушалъ. Замолчите! Г. Тюфячкинъ! Вы не желаете съ нимъ помириться?

Тюфячкинъ робко взглянулъ на Беркутова и развелъ руками:

— Да, чтожъ, г. судья! Я съ нимъ мирюсь, а они меня опять персидскимъ порошкомъ осыпать...

— Обсыплю,—строго подтвердилъ Беркутовъ.—Нѣтъ у меня на васъ жалости.

— Хорошо, молчите!

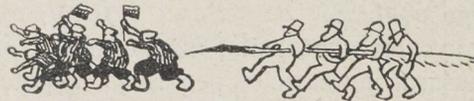
Судья, нагнувшись, долго писалъ и потомъ, попросивши всѣхъ встать, объявилъ свое рѣшеніе:

— Мѣщанинъ Никита Беркутовъ за оскорбленіе Валерьяна Тюфячкина приговаривается къ двухнедѣльному заключенію, безъ замѣны штрафомъ.

Выслушавъ приговоръ, Беркутовъ пожевалъ губами и саркастически сказалъ:

— Порядки! За этакого-то Тюфячку да двѣ недѣли отсидки! Рассея!!

Медуза Горгона.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Телеграфн. бюро похорон. процессій).

12-20. — Госпожой Пальчиковой переведена съ мексиканскаго пьеса „Пляска св. Витта“. Пьеса отличается крупными достоинствами.

14-20. — Пьеса „Пляска св. Витта“ театральной цензурой разрѣшена.

16-20. — Пьеса „Пляска св. Витта“ впервые пойдетъ въ театрѣ г-жи Скрежетовой.

18-20. — Пьесу „Пляска св. Витта“ будетъ ставить одинъ изъ лучшихъ режиссеровъ театра Скрежетовой.

20-20. — Декорации для „Пляски св. Витта“ взялся писать одинъ изъ лучшихъ художниковъ-декораторовъ.

22-20. — На постановку пьесы „Пляска св. Витта“ декорацией театра Скрежетовой затрачено свыше десяти тысячъ руб. Пьеса обставлена съ небывалымъ вкусомъ и роскошью.

24-20. — Администраціей разрѣшена афиша „Пляски св. Витта“, каковое разрѣшеніе устраняетъ всякую возможность какихъ-либо случайностей.

26-20. — За три дня до спектакля всѣ билеты распроданы на расхватъ.

27-20. — Сегодня была генеральная репетиція (въ костюмахъ, гримѣ и при декорацияхъ) пьесы „Пляска св. Витта“... Собрался на генеральную репетицію весь цвѣтъ русской литературы, живописи и театра. Кромѣ того, присутствовали приставъ и представитель драматической цензуры, которые, просмотрѣвши „Пляску св. Витта“, не нашли въ ней ничего предосудительнаго. Среди присутствующихъ обращалъ на себя вниманіе маленькій лысый человѣчекъ въ пенснѣ, похожій ужимками на обезьяну. Человѣчекъ этотъ визжалъ, возмущался и утверждалъ, что онъ не допуститъ такой возмутительной пьесы, какъ „Пляска св. Витта“. Его нелѣпныя выходки вызывали общій дружный смѣхъ присутствовавшихъ.

28-20. — За часъ до представленія пьесы—„Пляска св. Витта“ она къ постановкѣ воспрещена.

Факельщикъ.

ЗАКАЗЪ.

Издатель явился къ модному беллетристу.
 — Голубчикъ, выручайте. Журналъ купилъ.
 Беллетристъ поглядѣлъ на него изумленно.
 — Дѣйствительно! А жена?
 — Жена ничего.
 — Дѣйствительно! Мѣсячный?
 — Да.
 Беллетристъ покачалъ головой.
 — И платить будете?
 — Буду.
 — Странно. Непонятно. А раньше съ вами не случилось?
 — Въ дѣтствѣ припадки лунатизма были... А въ общемъ, ничего.
 — Ну, что же дѣлать? Платить будете?
 — Да говорю же: буду.
 — Чѣмъ могу служить?
 — Эхъ, вы! Сразу тонъ измѣнили.
 — Самъ собой измѣнился. Не могу совладать. Привычка.
 — Ладно. Повѣсть давайте.
 — Съ чѣмъ?
 — То-есть, какъ съ чѣмъ?
 — Разный фаршъ вѣдь бываетъ.
 — Да я не про пирожки, а про повѣсть.
 — И я про повѣсть.
 — Фу, измучишься съ вами, писателями.
 — Есть разные повѣсти: съ религіей, съ проблемами, съ сатирой на общество, съ идеей, съ...
 — Съ чѣмъ?
 — Идеей.
 — А это что же?
 — Это... это тоже такое.
 — Внутри кладется?
 — Внутри.
 — А, можетъ, для стили?
 — Отчасти для стили, но больше внутреннее...
 — И дѣйствуетъ?
 — Дѣйствуетъ.
 — Увеличивается?
 — Что увеличивается?
 — Подписка.
 — Этого я не знаю. Врядъ ли. Не слѣдилъ.
 — Такъ что же вы, батенька, мнѣ гнилой товаръ всучать хотите?
 — Можно другое. Берите проблемы.
 — Давай проблемы.
 — Какія? Есть разные: наготы, декольтѣ, пола, танца, жеста. Индивидуализма есть также.
 — Ну, это длинно. Давай попонятнѣе.
 — Попонятнѣе уже было.
 — Когда?
 — Въ прошломъ году.
 — Насчетъ религіи есть, говорили?
 — Есть.
 — Это церковное?
 — Нѣтъ, больше на широкую публику.
 — Какъ бы чего не вышло!
 — Можно осторожно.
 — Потому что теперь строго. Освирѣпѣлъ.
 — Цензоръ?
 — Не цензоръ, а Пуришкевичъ. Прямо на людей кидается.
 — Такъ, какъ прикажете?
 Издатель отеръ катившейся потъ.
 — Самъ не знаю. И того хочется, и этого. Потому вѣдь не угадаешь, что ему, подписчику, требуется, чортъ.

— Надо рискнуть.
 — Ужъ вы, выручайте, батенька. Я торговаться не буду.
 — Если бы вы точно разъяснили мнѣ вашу программу, я бы...
 — Не пугай! Зачѣмъ старика пугаешь? Я—человѣкъ сырой, разсыпчатый.
 — Можетъ быть, модернизмъ желаете?
 — Модернизмъ? Чуть-чуть. Только сверху наведи. Для лоску. Полакируй, значитъ.
 — А сверху—мистицизмъ?
 — Отнюдь.
 — Почему?
 — Боюсь. Жена не любитъ. Говорить, что сны плохіе снятся. Ну, и Богъ съ нимъ.
 — Можно, конечно, безъ...
 — Въ первый разъ я на такое дѣло пошелъ. Ну, да ужъ дотяну до третьей книжки, а тамъ видно будетъ.
 — Такъ, какъ же?
 — Вотъ что, голубчикъ... вы съ одного боку религію пустите, а съ другого проблемы эти...
 — Пола?
 — Пола и другія. Все клади. Да поджарь, да припеки, да внутрь идею пусти, понимаешь, внутрь ее, чтобы на языкъ растаяла, чтобы сокомъ пошла.
 — Понимаю.
 — Ну, и гарниръ тамъ разный: сатиру на общество, юморъ, про политику немного съ краю, съ краюшка самую малость... А сверху модернизма для лаку.
 — Слушаю-съ.
 — Да пропеки, да поджарь, да...

Осипъ Дымовъ.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ „САТИРИКОНА“.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Вслѣдствіе массы получаемыхъ писемъ съ рукописями и матеріаломъ, редакция поставлена въ необходимость установить для отвѣтовъ очередь, что, конечно, вызываетъ нѣкоторое опозданіе въ отвѣтахъ черезъ почтовый ящикъ.

А. Петербургъ.

220. *Невскій, 104.—Спруту.*—Гдѣ теперь Крушеванъ—редакціи неизвѣстно.

... Гдѣ-то теперь его личико смуглое?..

221. *Петерб. ст., Широк. ул.—Широкому.*—Вы перешли съ прозы на стихи... Цезарь въ свое время перешелъ Рубиконъ. Эти два событія никогда не изгладятся изъ нашей памяти. Если когда-нибудь встрѣтитесь съ Цезаремъ, сообщите ему, что онъ въ своемъ переходѣ былъ болѣе счастливъ.

222. *Гороховая, 7.—Художнику.*—Этотъ рисунокъ тоже не можетъ пойти

Тысячу разъ вамъ нужно, чортъ возьми, повторять, что на рисунки существуетъ предварительная цензура.

223. *Больш. Моск., 7.—Нерону.*—Стихи не пойдутъ, брошены въ корзину. Скверные.

224. *Вас. Остр., 7-я лин.—Льшему.*—Вась постигла судьба Нерона..

225. *3-я Рожд., 6.—Велизарію.*—Постигла судьба Лѣшаго.

226. *Ул. Гоголя. Въ пространство.—Н. К.—Судьба Велизарія.. Уфь!!*

Б. Провинція.

227. *Симферополь.—Н. С. А.—*Стишки не важные. Вы бы придѣлали вашему герою горбъ, посадили бы его въ башню, можетъ быть, за Рославлева сошла бы штука, а?

228. *Ташкентъ.—Мыслете.*—Повѣрьте намъ, что графоманъ—это не значитъ „любитель графовъ“. Хотя вы, приславши длинный и скучный разсказъ—тоже, по нашему, „любитель графовъ“...

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

Открыта подписка на 1909 годъ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ И ЮМОРА

САТИРИКОНЪ

Всѣ годовые подписчики получаютъ, въ видѣ БЕЗПЛАТНОЙ ПРЕМІИ, роскошно изданные юмористическіе рассказы

ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
и А. И. КУПРИНА,

съ иллюстраціями извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ-карикатуристовъ. Изданіе это, являясь единственнымъ въ русской юмористической литературѣ, въ отдѣльную продажу не поступитъ и помимо журнала „САТИРИКОНЪ“ приобрести быть не можетъ. Подписчикамъ, внесшимъ подписную плату за годъ полностью, бесплатная премія „Юмористическіе рассказы ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА и А. И. КУПРИНА“ будетъ разослана въ началѣ подписного года.

„САТИРИКОНЪ“ издается по образцу лучшихъ нѣмецкихъ и англійскихъ сатирическихъ журналовъ.

„САТИРИКОНЪ“ печатается въ нѣсколько красокъ.

„САТИРИКОНЪ“ превосходитъ размѣромъ всѣ существующіе журналы этого типа—12—16 стр. больш. журн. формата in folio 37×26 сант.

СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ:

ХУДОЖНИКИ: Б. Анисфельдъ, Л. Бакстъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, Н. Герардовъ, Олафъ Гульбрансонъ (Мюнхень), М. Добужинскій, Б. Кустодіевъ, Е. Лансере, Дм. Митрохинъ, В. Невскій, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Н. Ремизовъ (Ре-ми), О. Шарлемань, А. Юнгерь (Баянъ), А. Яковлевъ и другіе.

ПИСАТЕЛИ: Леонидъ Андреевъ, А. Аверченко (Аве), В. Азовъ, Александръ Блокъ, И. М. Василевскій (не-Буква), Л. М. Василевскій, Б. Вилли, К. Антиповъ (Зарницынъ, Яковъ Годинъ, Сергѣй Горный, Сергѣй Городецкій (Сатиръ), А. Измайловъ, В. Князевъ, М. Кузминъ, А. Кугель (Номо Novus), А. И. Купринъ, В. Лихачовъ, С. Маршакъ, О. Л. Д'Орь, Потемкинъ, А. Радаковъ, Саша Черный (А. Гликбергъ), Александръ Рославлевъ, Скиталецъ (Яковлевъ), В. Сладкопѣвцевъ, графъ Алексѣй Толстой, Тэффи, Н. Шебуевъ, В. В. Умановъ-Каплуновскій, Н. И. Фалѣевъ (Чужь-Чуженинъ), А. Яблоновскій и другіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:

На годъ **6** руб. На полгода **3** руб. На три мѣс. **1 р. 50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главной Конторѣ „САТИРИКОНА“ (С.-Петербургъ, Невскій просп., 9) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и провинціи.

ЦѢНА ОТДѢЛНАГО № 10 коп. Въ Москвѣ и провинціи 12 коп.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: С.-Петербургъ, Невскій просп., 9.

ОТДѢЛЕНІЯ ДЛЯ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ ВЪ ПРОВИНЦІИ:

Москва.—П. С. Арсеньевъ, Б. Дмитровка, д. № 15. Одесса.—Е. Е. Свистунова, Екатерининская ул., д. Греческаго училища. Кіевъ.—Я. П. Лапицкій. Варшава.—Контрагентство Е. А. Морозова и Е. Горскова. Вильна.—И. И. Гродзенскій, Яковскій, 15.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: 40 коп. за строку нонпарели въ 1/4 стр.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель М. Г. Корнфельдъ.

СПЕРМИНЪ ПЕЛЯ

ПРОФ. ДОКТОРА

PELJA

SPERMINUM ROEHL

ВНИМАНИЮ ЛИЦЪ, СТРАДАЮЩИХЪ

неерастенной, истеріей, неерастенническимъ половымъ безсчіемъ, общей слабостью отъ старости или перенесенныхъ болѣзней, переутомленіемъ, олинной сухоткой, параличами, невралгіями, разстройствомъ сердечной дѣятельности (ожирѣніемъ сердца, сердцебиеніями, перебоями, миокардитомъ), малокровіемъ, ревматизмомъ, сифилисомъ, послѣдствіями ртутнаго леченія, чахоткой, артеріосклерозомъ, алкоголизмомъ и т. д.

Въ продажѣ имѣются вредныя для здоровья поддѣлки Спермина, предлагаемыя подъ различными названіями, поэтому необходимо при покупкѣ обращать вниманіе на названіе Сперминъ-ПЕЛЯ и требовать таковой въ подлинной упаковкѣ Органотерапевтическаго Института Проф. Доктора ПЕЛЯ и Сыновей въ С.-Петербургѣ.

Всѣ имѣющіяся въ русской и иностранной литературѣ многочисленныя научныя наблюденія выдающихся ученыхъ и врачей надъ благотворнымъ дѣйствіемъ спермина ОТНОСЯТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО КЪ СПЕРМИНУ Проф. Доктора ПЕЛЯ.

СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ имѣется во всѣхъ аптекахъ и большихъ аптекарскихъ магазинахъ: 1) въ видѣ капель (Essentia Spermim-Roehl) 1 флаконъ 8 руб., а также 2) въ ампулахъ для подкожныхъ впрывкиваній (Spermim-Roehl pre injectione) 1 коробка на 4 впрывки—8 руб. и 3) въ видѣ клизмъ (Spermim-Roehl pro cluam.) 1 коробка на 4 клизмы—3 руб.

Сперминъ-Пеля не слѣдуетъ смѣшивать съ простыми вытяжками.

Желающимъ высылается безвозмездно только тѣ вышедшая книга „Дѣльное дѣйствіе Спермина-Пеля“ (182 стр.), составленная по наблюденіямъ русскихъ и иностранныхъ врачей. Гр. врачамъ по требованію специальная научная литература.

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ, ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ И АПТЕКА

Профессора Доктора ПЕЛЯ и Сыновей

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Вас. Остр., 7 линія, д. № 18—28.

Наивысшія награды (Grands-Prix) на всѣхъ всемірныхъ выставкахъ и наилучшіе отзывы медицинскихъ авторитетовъ.

НОВАЯ КНИГА
ОСИПА ДЫМОВА.

„ЗЕМЛЯ ЦВѢТЕТЬ“.

РАЗСКАЗЫ. Цѣна 1 р.

Издание „Грифъ“, Москва.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Москва, Тверская, Козицкій пер.,
д. Бахрушина.

Для Мужчинъ и Дамъ!

Интересн. прейсъ-курантъ парижскихъ резин. новостей съ объяснен. высыл. за 7-ми коп. марку въ закр. конвертѣ. — Э. ЛИПШИЦЪ, Варшава, 2-я контора. 7.

КАКЪ ПОНЯТЬ.

Мужъ. — Я сейчасъ, дорогая моя, застраховалъ себя на случай смерти въ твою пользу!

Жена. — О! За это я готова немедленно задушить тебя въ своихъ объятіяхъ.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ДМ. МИЛИНЪ. „БЮРОКРАТЫ“. Романъ-Трилогія. 1 часть. „ОКОЛЬНЫЙ ПУТЬ“. Ц. 1 р. 50 к. Жизнь, дѣятельность и гибель нѣкоего Курюдова въ захолустьѣ, среди просыпающагося обывателя. История одной очень сложной машины. II часть. „КАРЬЕРА“. Ц. 1 р. 20 к. Руководящая сфера, направляющая дѣйствія очень сложной машины.

ФРЕНССЕНЪ. „ПЕРНЪ УЛЬ“. Большой аграрный романъ. Ц. 2 р. Семья Креевъ и Улей, земельныхъ и безземельныхъ крестьянъ. Бытъ и разоренія.

ФРЕНССЕНЪ. „СРЕДИ ДИКАРЕЙ“. Повѣсть. Ц. 1 р. Культурныя звѣрства. Путешествіе Петра Моорса въ центральную Африку, гдѣ, ради величія культурной націи, надо перебить и уничтожить семьи туземцевъ.

ТРАЙНЪ. „ВЪ ГАРМОНИИ СЪ БЕЗКОНЕЧНЫМЪ“. Ц. 1 р. Какое счастье жить! Какъ великъ, какъ могущественъ человекъ! восклицаетъ оригинальный мыслитель Трайнъ и излагаетъ дивныя пути совершенствованія человека, вытравливающія всякій пессимизмъ; совершенствуясь, человекъ достигаетъ величія Богочеловѣка, небо сходитъ на землю или земля возносится до небесъ.

Главный складъ въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ. Выписывающіе у Дм. А. Карышева (СПБ. Пески 5-я Рождественская, 23) за пересылку не платятъ.

О перемѣнѣ адреса подписчиковъ журнала „САТИРИКОНА“.

При перемѣнѣ адреса необходимо прислать прежній бандерольный адресъ, безъ чего перемѣна очень затруднительна. За перемѣну адреса взимается: иногородняго на иногородній-же и городского на городской—35 к. Городского на иногородній и иногородняго на городской—1 рубль.

Болѣзненная

ДѢТИ.

Гематогенъ Д-ра Гоммеля

Д-ръ Н. Августовскій, С.-Петербургъ: „Употребляя въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Гематогенъ Д-ра Гоммеля для поднятія питанія и укрѣпленія слабыхъ дѣтей, я наглядно убѣдился въ его значеніи и прекрасныхъ качествахъ въ смыслѣ усвояемости и переваримости даже ослабленными желудками. Мои племянники 5-ти и 7-ми лѣтъ изъ малокровныхъ, блѣдныхъ ребятъ стали крѣпкими и краснощеками въ теченіи одного года“

блестяще одобренъ болѣе 5000 профессорами и врачами заграничными и русскими, имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. Требуется настоятельно Гематогенъ Д-ра Гоммеля и отклонять поддѣлки.

ЖЕНА АЭРОНАВТА.

— Что это у васъ за странная матерія на платьѣ?
— Это изъ оболочки аэроплана. Мужъ не взлетѣлъ и подарилъ съ горя мнѣ всю матерію.

ЗАИКАНИЕ

ЛѢЧЕНІЕ ПО МЕТОДУ ЭРНСТА.

КАРТАВОСТЬ.

Вѣрнѣйшій психолог. способъ (внушеніе). Блестящіе результаты даже въ самыхъ тяжелыхъ случаяхъ.

БЕЗПЛАТНО

ВЫСЫЛАЕТСЯ ПРОСПЕКТЪ ЛѢЧЕБНИЦЫ К. Ю. ЭРНСТЪ, Москва, Чистопрудный бульваръ, д. Тупицына. Руководство (изложеніе метода Эрнста) къ самолѣченію—4 руб. съ пересылкой у автора и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

ПО ПРИВЫЧКѢ.

— Мамочка, мамочка! Нашу кошку задавили...
— Кто? Поэтъ?!
— Нѣтъ, автомобилистъ.

TEMPORA MUTANTUR.

— Вы знаете, нашъ знакомый Петровъ живетъ теперь, какъ турецкій султанъ!
— Неужели?! Какъ же это такъ?!
— Да, скверно...

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

В С Е Г Д А В П Е Р Е Д И
Н О В Ы Я Д В У Х С Т О Р О Н Н Я П Л А С Т И Н К И

З О Н О Ф О Н Ъ .

Въ каждой пластинкѣ двѣ пьесы.

МАЛАЯ ДВУХСТОРОННЯЯ ПЛАСТИНКА 75 коп. ДВУХСТОРОННЯЯ ПЛАСТИНКА ГРАНДЪ 1 р. 50 к.

ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ каталоги и списки послѣднихъ новостей высылаются БЕЗПЛАТНО.

Акціонерное Общество Граммофонъ.

Москва, Тверская, 26. С.-Петербургъ, Морская, 49. Харьковъ, Николаевская площадь, 18. Тифлисъ, Головинскій проспектъ, 9.
ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РОССІИ.

Съ 29-го августа выходитъ по пятницамъ еженедѣльный журналъ

В Е С Н А

Органъ независимыхъ писателей и художниковъ.
Съ постояннымъ отдѣломъ

ГАЗЕТА ШЕБУЕВА.

Въ политикѣ—въ партій. Въ литературѣ—въ кружковъ.
Въ искусствѣ—въ направлений.

Цѣна номера 10 к. Подписка съ доставкой на годъ 6 руб.

Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 3 до 4 часовъ дня.
Кирочная, 3, кв. 20.

Редакторъ В. В. Каменскій. Издательница Л. А. Шебуева.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

Какъ предохранить себя отъ венерическихъ болѣзней.

Продается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Вольфа и Риккера. Цѣна 40 коп. Можно получать въ складѣ: Спб., Садовая, № 71, кв. 6.

Высылается наложеннымъ платежомъ.

Открыта подписка на 1909 годъ.

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

„МЕЖА“

временно выходившая по понедѣльникамъ и рассылавшаяся, по соглашенію издательствъ,
вмѣсто газеты

„Э П О Х А“

съ декабря будетъ выходить ежедневно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„МЕЖА“

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На 1 годъ 10 рублей, на 6 мѣс. 5 руб. 50 коп., на 3 мѣс. 3 руб., на 1 мѣс. 1 руб.

Всѣмъ, до 1 декабря внесшимъ подписную плату за годъ или за полгода, „МЕЖА“ будетъ высылаться до 1 января 1908 года БЕЗПЛАТНО.

Контора „МЕЖИ“ временно помѣщается: С.-Петербургъ, Коломенская ул. (близъ Невскаго пр.), д. 3, кв. 28.

Особое вниманіе будетъ удѣлено окраинной политикѣ: положенію евреевъ въ Россіи, финляндскому, польскому, армянскому и мусульманскому вопросамъ.

Для ознакомленія №№ газеты высылаются за 7 коп. марку.

Плата за объявленія: на 2 стр. (среди текста 60 коп. за строку пегита, на 4-й—30 коп.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ 5 коп.

МЛАДОТУРЕЦКІЙ КОНЬ.

Рис. Ре-ми.

Султанъ. — ... Я хочу твердой, но любящей рукой вести мой добрый народъ за собою...